
Люди и судьбы

Ю. И. Афанасьев

Образ княгини Ольги в «Повести временных лет» (Взгляд из Гдовского уезда)

АВТОР настоящего материала, выпускник Ленинградского университета, о том, что Ольга основала Псков и начала крестить псковичей раньше всех на Руси, впервые услышал в начале 1960-х гг. от священника Никольской церкви в Каменном конце Гдовского района. Пожилой человек так самозабвенно рассказывал юнцу, прибывшему посмотреть храм, который посещали его предки до постройки Ильинской церкви в Черме, что бесполезно было его перебивать. Такая убежденность заставила подробнее изучить этот эпизод отечественной истории и, в свою очередь, окончательно убедиться в своей правоте: старик пользовался какими-то источниками, которые не вписываются в историю Руси, а поэтому наукой не признаются. Позднее оказалось, что он пользовался церковной биографией Ольги, составленной после ее канонизации в 1547 г., написанной через 600 лет после ее жизни и во многих вымышленной.

В наши дни автору приходится вторично сталкиваться с подобной трактовкой образа княгини Ольги. И напомнил ему об этом священник Е. Михайлов из деревни Озера того же района, видимо, человек тоже без специального образования. Значит, настало вре-

мя познакомиться его и других с научной биографией этой государственной деятельницы. Церковь княгиню Ольгу называет Великой княгиней Ольгой Всероссийской. В данном названии невымышленным является лишь слово «Ольга», да и то нерусского происхождения. Ольга никогда не была великой княгиней, потому что в X веке, когда она жила, такого титула не было. На всю Киевскую Русь был единственный правитель, который назывался просто князем и пресекал любые самозванства, а других князей не было. Великие князья появятся в XII веке, с началом феодальной раздробленности Руси. Во главе каждой земли появится свой князь, и, чтобы отличить от них Киевского князя, который хоть и не был сильнее других, но по традиции считался старшим, его и стали называть великим, в значении «большой», «старший», т.е. не в том смысле, как именовали, например, Петра Великого. И княгиней Ольгу называют условно и для краткости. Она скорее была регентшей при своем сыне княжиче Святославе. Чтобы это подчеркнуть, она брала его в поход против убивших его отца Игоря древлян. Он даже «участвовал» в сражении против них. До Ольги на Руси никогда не правила женщина. Трудно даже представить, как тяжело ей было браться за это неженское дело. Она чувствовала себя неловко и всяче-

Афанасьев Юрий Иванович – псковский краевед

ски подчеркивала, что правит вынужденно и временно, чтобы иметь возможность вырастить сына, т.е. правила она не так, как, например, Екатерина II. Ольга и Всероссийской не могла быть, т.к. в X веке России еще не было. Официально страна станет называться Россией после победы Петра I в Северной войне в 1721 г. А при Ольге, ее муже Игоре, вещем Олеге это было скромное государство, которое увеличивалось при всех последующих правителях: при ее сыне Святославе, внуке Владимире, и особенно при Владимире Мономахе – деде псковского князя Всеволода Мстиславича.

Почему автор увязывает образ Ольги с «Повестью временных лет»? Потому, что это самая древняя (из сохранившихся) летопись русского народа и Древнерусского государства. Историки последующих времен считают ее наиболее объективной: она опиралась на более древние источники, и за 200 лет после Ольги еще не было необходимости что-то в ней менять или добавлять. Поэтому в этом документе Ольга предстает перед читателями и исследователями, так сказать, в первоизданном виде, без мифов, легенд и преданий.

Первый раз эта летопись сообщает об Ольге под 903 годом, когда ее привели от Пскова Игорю в жены. Летопись не сообщает о ее возрасте, но по традиции того времени замуж выдавали в 13-15 лет. Археологи доказывают, что Псков, как город, был построен при Вещем Олеге (С.В.Белецкий), если не раньше. Значит, Псков старше Ольги, поэтому она не могла его основывать.¹ Отец Игоря Рюрик умер в 879 г., когда мальчику было лет пять, поэтому к 903 году Игорь был старше Ольги, и надо думать, это была не

первая его жена. Нигде не указывается, сколько было жен у него, но известно, что у его внука Владимира Святого было много жен и около 800 наложниц.² Наличие у Игоря других жен только усложняло положение Ольги, но у нее, видимо, было какое-то преимущество. Возможно, она была из другого варяжского княжеского рода, в то время, как другие жены – более простого происхождения. Кроме того, глава дружины Игоря Свенельд тоже был варягом, поэтому поддерживал варяжку Ольгу.

Вторично «Повесть временных лет» сообщает об Ольге под 945 г., когда ее муж Игорь в нарушение традиции вторично явился к соседнему союзу племен за данью. Древляне заявили, что если повадится волк в стадо, то перережет всех овец, пока его не убьют. И убили Игоря. Узнав о мученической гибели своего мужа, Ольга весь год мстила погубившим его древлянам: сначала заживо зарыла в землю их посольство, потом сожгла в бане второе посольство. Наконец, она пришла с войском к кургану над могилой Игоря и устроила тризну, в разгар которой приказала зарубить 5 тыс. пьяных древлян. Испуганные древляне попрятались в своих деревянных городах, которые Ольга окружила и осадила. Древляне предлагали любой выкуп, лишь бы Ольга прекратила мстить. Но кровожадной язычнице Ольге нужна была только полная и беспощадная месть, поэтому она пошла на очередную хитрость: мол, что с вас взять, у вас и для себя мало осталось. Отказавшись от хлеба, сала и меда, она взяла по три голубя и по три воробья с каждого двора. Видимо, такая легкая дань не вызвала подозрений у жителей Искоростеня, поскольку у многих народов мясо голубя до сих пор считается деликатесом. Получив птиц, Ольга велела к их лапам привязать трут, который подожгли и отпустили птиц. Они полетели к своим гнездам, под крыши изб, и последние загорелись так, что пожар невозможно было потушить. Люди побежали из города, Ольга приказала всех хватать. Одних убили, других взяли в рабство, третьих заставили платить тяжелую дань, две части которой шли на государственные дела в Киев, а третья – в Вышгород, «ибо был Вышгород городом Ольги». В летописи все это описано более яркими красками, да так, что диву даешься, как эта беспощадная

Составитель
«Повести временных
лет»

язычица стала христианской святой. А ведь православие учит совсем другому. Эта летопись составлялась в XII в., через 200 лет после Ольги, когда уже были известны все ее христианские «подвиги», но они бледнели перед ее языческим прошлым, поэтому об Ольге тогда предпочитали говорить меньше, приводя только голые факты.³

В следующем, 946 г. Ольга вместе с сыном вновь пошла в поход на древлян, «уставляючи уставы и уроки» и места для сбора дани – погосты. Так она начала свои административно-хозяйственные реформы. Смерть мужа привела ее к мысли, что в этом деле гораздо выгоднее четкость и прозрачность: чтобы все заранее знали, сколько, куда и когда они должны привезти дани, в то время, как Игоря устраивала неопределенность. Он полагал, что может взять дани больше, придя лишний раз со своей сильной дружиной, но эта неопределенность и жадность погубили его. Видимо, урегулирование этой проблемы положительно сказалось на взаимоотношениях Киева с древлянской землей, что дало Ольге повод подумать о таком же устройстве в других, зависимых от Киева землях.

Обдумав свои действия во время годичного пребывания в Киеве, Ольга с дружиной, но без сына Святослава в 947 г. отправилась в новый поход. Проследим его строго по скупым указаниям летописи. Ольга вышла из Киева и шла сначала по Днепру на север, по знаменитому пути «из варяг в греки». Далее летопись сообщает, что княгиня-регентша переехала на реку Мсту, с востока впадающую в озеро Ильмень. Дорог тогда не было, продвигались по рекам – летом в лодках, зимой на санях. В летописи нет указаний, как Ольга добралась от Днепра до Мсты, но достаточно посмотреть на карту, чтобы понять, что путь ее пролегал с верховьев Днепра на верховье Волги и далее на восток по мелким рекам до Мсты. Значит, Ольга проводила земли дреговичей, частично радимичей, смоленских кривичей, ильменских словен, везде устраивая погосты и устанавливая оброки и дани, при необходимости отклоняясь от маршрута влево и вправо, чтобы охватить всех людей. Походив по Мсте и ее притокам, путешественники через озеро Ильмень и реку Волхов добивались до Новгорода, а

устроив новгородские дела, перебирались на реку Лугу. Крупный отечественный археолог В.Л. Янин по сведениям берестяных грамот и другим источникам установил, что сбор государственных податей в Новгородской земле был налажен до приезда Ольги.⁴ Та же организаторская работа проводилась на Луге и ее притоках. Далее летописец замечает, что «сани ее стоят в Пскове и поныне». Из этой реплики вытекает, что отряд княгини добрался до Пскова поздней весной, когда на санях дальше ехать было невозможно, поэтому их пришлось оставить и ехать верхом на конях, пока не вскроются реки, или подождать в Пскове (или Выбутах – ее родине), пока ее доверенные люди не создадут погосты на Псковщине. От реки Луги до Пскова есть несколько коротких путей по мелким рекам и длинный через Финский залив, реку Нарову, Чудское озеро и далее по реке Великой. Если нужно было просто побыстрее доехать до Пскова, тогда был бы избран один из коротких путей. Но Ольга не торопилась: уж очень важным было дело, из-за которого она здесь оказалась. Поэтому она терпеливо объезжала все земли, делая заезды и по притокам указанных рек, о чем рассказывают и легенды. А Псковскую землю она проезжала не с юга на север, а наоборот, с севера на юг. Говоря о дальнейшем маршруте, летописец называет снова Днепр и Десну. Значит, побывав у псковских и изборских кривичей, она снова через псковские реки вернулась на верховье Днепра, на путь «из варяг в греки», а потом, перебравшись на реку Десну, «благоустроила» остальных радимичей. Совершив, таким образом, большой круг, она благополучно вернулась в Киев.

Более внимательное ознакомление с ее деловым путешествием рождает массу вопросов, ответы на которые может найти только специалист, сумевший «вжиться» в эпоху X века. Конечно, ехала Ольга не одна, и не только со слугами, но и с большим военным отрядом. Как уже отмечалось, Игореву дружину возглавляли и составляли варяги. Один из них – Свенельд, был начальником дружины Игоря, потом начальником войска Ольги, далее начальником дружины Святослава, затем служил его сыну Ярополку. Воспитателем малолетнего Святослава был другой

высокопоставленный варяг Асмуд. Возникает вопрос, на кого Ольга оставила государственное управление при столь долгом ее отсутствии. Без Свенельда она не могла бы справиться в походе, значит, в Киеве остался Асмуд, на которого были оставлены и малолетний Святослав, и временное управление государством – самое важное и дорогое. Видимо, доверяла Асмуду больше всех.

Что было бы, если бы Ольга отправилась без войска? Тогда многочисленные союзы племен, по территории которых она проезжала, разговаривали бы с ней, как древляне с Игорем: никто не хотел бесплатно отдавать дань. И только демонстрация силы склоняла к этому. Скорее всего, сопровождавшее ее войско было конным, т.к. пешее тормозило бы передвижение и не выглядело бы так устрашающе.

Далее напрашивается вопрос, какое расстояние эта кавалькада преодолевала за один световой день. Позднее, в XVI-XVII вв., при устройстве ямской гоньбы сложились нормы ямского дела и пробега лошадей, что привело к созданию специальных станций – ямов, где лошадей меняли. Первый ям от Пскова на север – Маслогостицы (пробег – около 40 км), следующий – станция Ямм, возле Полны (пробег – более 30 км) и т.д. Следовательно, дневная норма пробега лошадей с умеренным грузом или людьми составляла приблизительно 35 км. Не думается, что лошади X века были намного выносливее. Видимо, примерно по стольку и проезжал этот отряд, если не было многочисленных заездов и столкновений с населением.

Еще в свои юные годы автор заметил интересную особенность в устройстве гдовских церквей: они стояли приблизительно в 7 км друг от друга (кроме поздних храмов). Тогда подумалось, что это было сделано для удобства прихожан, чтобы верующим не пришлось идти более 3,5 км, и чтобы в церкви всегда был «кворум». Теперь эта особенность стала автору более понятной: храмы-то были поставлены в ольгинских погостах и позднее, в XVI в. Эти погосты ставились Ольгой для удобства сбора дани, а получилось так, что она, сама того не подозревая, выбрала места не только для погостов, но и для будущих храмов. А церковные легенды поторопились назвать ее основательницей этих храмов. Но

гдовские тайны и здесь раскрыты неполностью. Например, старейшее городище гдовской земли Сторожинец не было погостом и, видимо, никогда не имело храма, потому что это нарушало бы семикилометровую норму. Ближайшие от него погосты были в Кунести и Руднице (Спицино). Городище Кобьлье тоже не было погостом (погост был в Ремде), но оно с самого начала имело храм Михаила Архангела (1462 г.). Для полного и всестороннего определения мест ольгинских погостов на гдовских землях должны сказать свое веское слово археологи.

Настало время разобраться с понятием погостов. Выше отмечалось, что это были пункты сбора дани у населения, а название произошло от слова «гость». Но «гостями» были не купцы и торговцы (в Древней Руси купцов называли гостями), а княжеские сборщики дани. Они гостили, пока несли, оформляли и нагружали возы собранной дани, устраиваясь, видимо, чаще всего в уже существующих населенных пунктах. Нахождение в них местной власти, а затем в период христианизации – местной церкви, кладбища и др. превращало их в крупные деревни, которые назовут селами. В XV-XVI вв. они являлись уже центрами псковских губ, а после 1861 г. центрами волостей. В наше время погостами именуют старые кладбища.

Русский народ никогда не был безвластным. Сначала были руководители первобытных стад, а когда пища вследствие улучшения орудий труда стали добывать больше, появилась возможность всем кровным родственникам жить вместе во главе со старейшинами родов. Дальнейшее развитие производительных сил позволило жить обыкновенными семьями, родственными и неродственными. Они составляли одну деревенскую, т.е. сельскую общину, которая продержалась в России до Столыпинской реформы, а с некоторыми оговорками существует и доньше. Во времена Ольги она уже существовала во главе со своими старостами, на них и были возложены обязанности руководителей погостов. Со своими подручными и старостами более мелких деревень они и осуществляли низовую власть на местах.

Можно предположить, что Ольгин Крест, Козлов Берег, Каменный Конец, Гдов,

Ветвеник, Кунесть, Рудница, Мда, Ремда и др. в X в. уже существовали как крупные или удобно стоящие деревни, которые были назначены Ольгой погостами. Кстати, крупными считались в то время деревни с десятком дворов, большинство же деревень имели по два-четыре двора, немало было и однодворных.

Уложились ли Ольга со своим походом и устройством дел в один год? Известно лишь, что поход начался в 947 г., более точных сроков летопись не называет, сообщая лишь о стоящих в Пскове санях Ольги. Значит, до Пскова она добралась весной, но не 947 г. (даже если бы выехала в январе, не успела бы), а следующего 948 г. Поэтому гдовскую землю она могла проезжать и устраивать в январе-феврале 948 г., когда был устроен и погост Гдов. Сначала автор сомневался, полагая, что в Гдове, как в Сторожинце и Кобыльем, погоста не было, допускал существование очередной гдовской тайны. Но когда измерил расстояние от Гдова до Каменного Конца и от Гдова до Ветвеника, понял, что здесь срабатывает «правило семи километров». От Каменного Конца до Ветвеника примерно 14 км, Гдов находится посередине пути между ними, значит и здесь должен быть погост. Но окончательное слово за археологами!

Иногда в краеведческих статьях встречается утверждение, что Ольга после смерти мужа объезжала свой вдовый удел, но в летописи на это нет и намека. С другой стороны, что значит «вдовый удел»? Это земли и деревни, данные ей на прокормление. Тогда возникают другие вопросы. Этот удел ей кто-то должен дать – тот, кто находился выше ее. Но она сама была княгиней-регентшей, и выше ее никого не было, а отводить земли самой себе – нелепо. Если этой вдове дали, то должны были дать и другим вдовам Игоря, о чем летопись не упоминает. Может быть, она объезжала удел отца, отошедший теперь к ней? Но тогда оказывается, что этот удел слишком велик. Смотрим опять на карту. Ольга объехала и устроила земли древлян, дреговичей, кривичей, ильменских словен, радимичей и северян. Вятичи, вольняне, белые хорваты, тиверцы и уличи при Ольге еще не входили в состав Киевской Руси. Значит, она объехала и устроила земли всего тогдашнего госу-

дарства. Если бы она объезжала только свой удел, тогда не было бы никакой связи этого объезда со смертью Игоря, после которой и из-за которой она и проводила это устройство. Игорь нарушил правила всего государства, поэтому реформированию подлежало все государство, чтобы подобные явления не повторялись. Так была проведена первая в истории Руси экономическая реформа.

Но самое интересное состоит в том, что согласно древнейшей русской летописи княгиня-регентша раньше всех отечественных правителей могла посетить Гдов и основать его как погост. Не исключено, что она могла основать и деревню Гдов, устраивая погост на пустом месте. Вот где корни гдовских преданий об Ольге! «Повесть временных лет» не сообщает о посещении или основании ею Гдова, но внимательное прочтение маршрута Ольги приводит к таким предположениям.

В очередной раз летопись пишет об Ольге под 955 г., через десять лет после гибели Игоря: она ехала в Константинополь, который на Руси называли из-за величины и могущества Царьградом. Ехала как частное

Крещение кн. Ольги в Константинополе.
Худ. С. Кириллов.

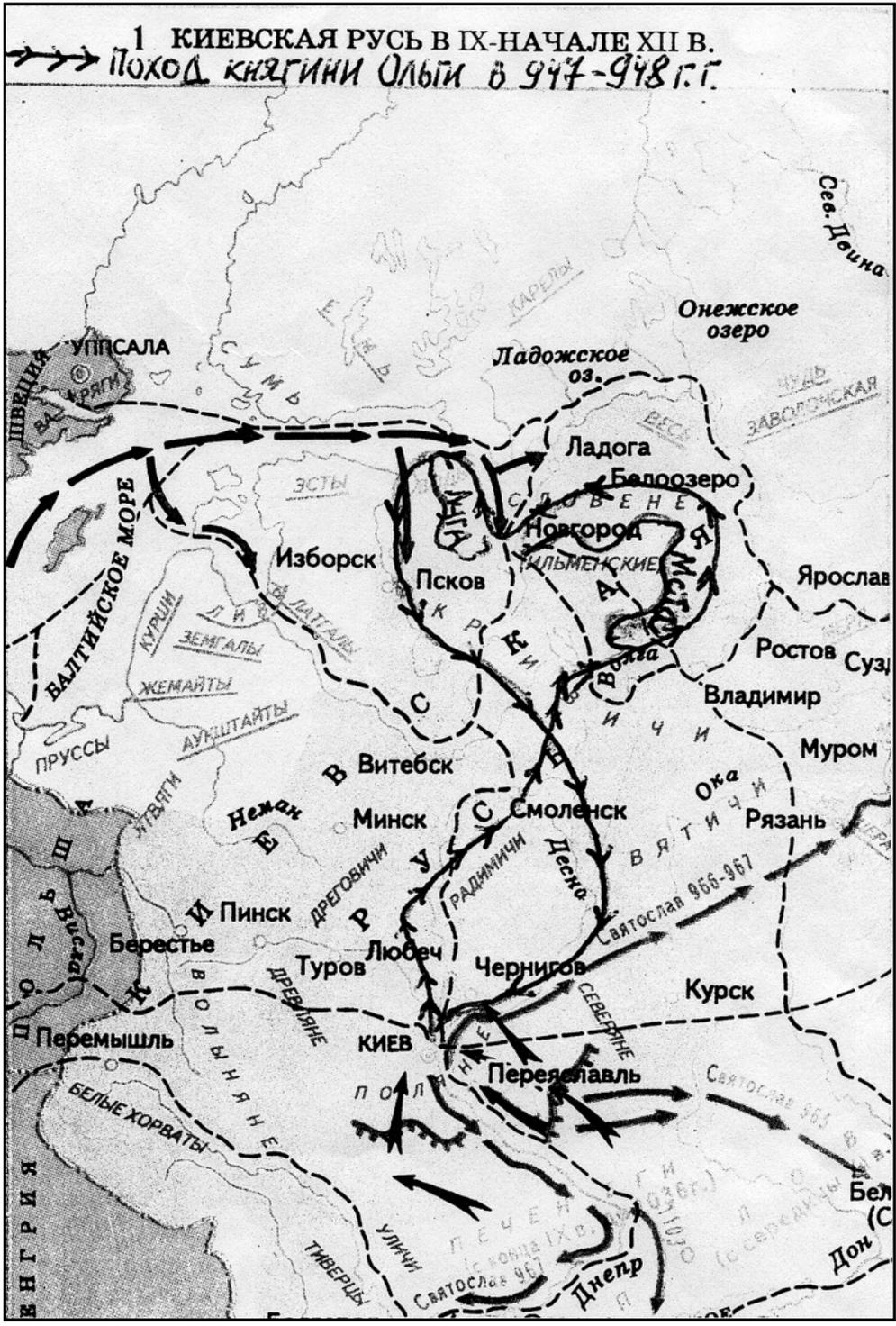
лицо, потому что Святослав уже возмужал, и она успела передать ему власть. Не приходится говорить, какую огромную роль играла в средние века религия, в том числе в государственных и межгосударственных делах. Видимо, к этому времени Ольга уже преодолела период колебаний и сомнений, и из всех существовавших религий избрала православие. Даже частному лицу из соперничающего государства креститься в Византии было нелегко, т.к. она хотела иметь соседей неотторженных. А если и шло на распространение у них православия, то вновь возникшие епархии должны были подчиняться византийскому патриарху, подчинявшемуся в свою очередь византийскому императору. Но Ольге повезло: она приглянулась самому императору Константину Богрянородному. Проявив жеманство, она заявила, что недостойна его ухаживаний, поскольку является язычницей. И, воспользовавшись ситуацией, добавила: «Если хочешь крестить меня, то крести меня сам – иначе не крещусь». И крестил ее император совместно с патриархом, и нарекли ее Еленой в память о матери Константина, который первым из римских императоров признал христиан. Теперь, когда Ольга перестала быть «поганой», император, якобы, сделал ей предложение, на что она ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью, а у христиан не разрешается это – ты сам знаешь». Так Ольга перехитрила императора: добилась искомого и не понесла никакого ущерба (Сам Константин описал встречи с Ольгой в своей книге «О церемониях», 957 г.). Обстоятельства этого визита Ольги изложены и в летописи.⁶

Некоторые авторы усматривают в этом сюжете суть ли не начало крещения Руси, но это нелогично: крестился всего один человек, хотя и известный, поэтому и обряд проходил на высоком уровне, но ни о каком крещении других людей, тем более массовом, летописи или византийский император не сообщают. К переходу в другую веру долгое время не была готова и сама Ольга. Христиане в ранге купцов или наемных воинов иногда проникали на Русь, но кроме отрывочной информации от них ничего нельзя было узнать. Сами же варяги, от которых происходила Ольга, крестились позже, долго еще оставаясь языч-

никами. Например, шведский король Олаф крестился вместе со своей дружиной в XI в., другие – еще позже. Даже решившись на переход, Ольга не смогла бы крестить Русь из-за крайне враждебного отношения язычников к другим религиям. В условиях господства языческой стихии было бы опасно противопоставлять себя ей: можно было бы потерять не только сыновий трон, но и жизнь, особенно в условиях конкуренции, о которой говорилось выше. Не следует забывать и того, что на Руси очень долго женщины не были равноправными, и по этой причине ее христианские призывы могли быть не услышанными или неправильно понятыми.

Выше неоднократно отмечалось, что Ольга чувствовала себя скорее регентшей, чем княгиней. Ее не могло не интересовать мнение подрастающего сына. Пока он был маленьким, Ольга сама была не готова к принятию христианства и крещению Руси, а когда созрела, ничего уже невозможно было сделать без вельможи Святослава. И она отважилась на разговор с сыном. На ее предложение перейти в христианство он ответил отрицательно, заявив, что его языческая дружина будет над ним смеяться. Он и сам смеялся над обрядами христиан, хотя и не преследовал их. Разговор этот помещен на страницах летописи.⁷ Значит, до этого (разговор происходил по возвращении ее из Византии) Ольга не могла ставить храмы и христианизировать Русь из-за своей неготовности или потому, что сама формально не являлась христианкой. Теперь же она вовсе не могла этого делать, потому что ее не поддержал сын, навредить которому было свыше ее сил. Следовательно, Ольга не могла ставить христианские храмы на Руси ни до, ни после 955 г., а вся ее святость заключается в том, что она первой среди Рюриковичей приняла христианство (не будучи родственной им по крови).

В следующий раз «встреча» с Ольгой на страницах летописи происходит под 968 г. Воспользовавшись тем, что Святослав ушел в Булгарию, печенеги осадили Киев, где оставались дети Святослава и его мать. Люди изнемогали от голода и жажды, а киевский воевода Претич стоял за Днепром. Он знал о приходе печенегов, но не думал, что город едва держится. Один подросток,

видя мучения горожан, вызвался сообщить Претичу о трагедии Киева. Зная язык печенегов, он прошел через окружение, будто бы разыскивая своего коня, а потом переплыл Днепр. У Претича сил было меньше, чем у врага, поэтому он бросился в атаку с большим шумом и трубным гудением. Печенеги подумали, что вернулся Святослав, и отбежали от Киева, но потом поняли свою оплошность и вернулись. Однако киевляне успели послать известие Святославу: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул. А нас едва не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих... Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?». Узнав об этом, Святослав с дружиной быстро вернулся в Киев и прогнал печенегов. Он пытался объяснить матери, что Булгария ему больше не нравится, на что Ольга ответила: «Видишь,

я больна, куда хочешь уйти от меня? Когда похоронишь меня – отправляйся куда захочешь».

И, действительно, через три дня Ольга умерла. Ее похоронили по-христиански, как она и завещала. Хоронил ее тайно священник, который после крещения Ольги был постоянно при ней. О нападении печенегов и последних днях Ольги летопись тоже сообщает.⁸

Итак, древнейшая русская летопись – «Повесть временных лет», говоря о княгине Ольге, сообщает о ее нравственном облике язычницы-мстительницы, о ее хозяйственно-административной деятельности и трижды – о церковно-христианской: крещении, разговоре с сыном и погребении. Это все, что известно науке о княгине Ольге, все остальное – вымысел, недостойный внимания и порой оскорбляющий память о ней как о человеке и мудром правителе.

Примечания

¹ Повесть временных лет. М. «Наука». 1997. С.83

² Там же. С.129

³ Там же. Сс.107-108

⁴ Янин В.Л. Княгиня Ольга и проблема становления Новгорода // Древности Пскова. Псков. 1999. Сс.24-25

⁵ Повесть временных лет. С.109

⁶ Там же. С.111

⁷ Там же. С.113

⁸ Там же. Сс.115, 117